

ГЛАВА 1

ПРОСТО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Утром шёл снег. Хлопья размером с бабочку кружились за окном в подсвеченном фонарями синем сумраке, бились о стёкла, рассыпаясь на сотни крохотных белых комочков, оседали на чёрных ветках и на подоконнике.

Днём поднялся ветер. Ледяные порывы смели снежные горки с веток, выстудили воздух до минус десяти и разогнали тучи. Небо теперь, хоть и казалось низким, светлело полупрозрачной голубизной.

Когда мы с Настей вышли из школы, было так холодно, что у меня сразу же загорелись щёки, а она начала шмыгать носом.

— Ты сейчас домой? — спросила я.

— Ага, — кивнула Настя. — Ты не думай, я быстренько. Только переоденусь, рюкзак брошу, и к тебе.

— Да не спеши, — успокоила я. — Всё равно мне ещё в булочную надо.

— Ладно! Только если задержусь, ты на мобильник не звони.

— Почему? — удивилась я.

— А он разрядился, — объяснила Настя. — Я его у тебя заряджу, хорошо? Чтобы время зря не тратить. А то представляешь, во сколько я к тебе приду, если буду ждать, пока аккумулятор «наестся»?

Я фыркнула. Родители совсем недавно купили Насте новый смартфон. Вот она над ним и трясётся. То ворчит, что нельзя на морозе разговаривать, то экран поцарапать боится, то аккумулятор решила заряжать только до победного конца. В смысле, пока смартфон не выдаст сообщение, что заряжен полностью.

— Ладно, мне розетки не жалко, — разрешила я.

— Да неужели? — хихикнула Настя. — В общем, через час буду!

— Жду, — кивнула я.

Она махнула мне на прощанье и побежала к своему дому.

Я подняла голову. Капюшон свалился на плечи, уши обожгло холодом. Зато я увидела над школой острый серп месяца. Если мысленно приставить к нему палочку, получится буква «р». Это значит, что месяц растущий. А вот если бы он оказался похож на букву «с», то я бы поняла, что

он стареющий. Это меня папа научил, когда мы в июне ездили на Ладожское озеро. Вот было время! Ни уроков, ни домашних заданий, ни снега, ни темноты. Даже ночи и те оставались такими светлыми, что можно было выходить на песчаную косу с удочкой и следить за поплавком безо всякого фонарика. Вода, днём подёрнутая мелкой рябью, к вечеру становилась прозрачной и гладкой как зеркало. Тёмными тенями в ней отражались деревья и редкие облака. Нагретый солнцем песок медленно остывал, вдалеке клубились клочья густого тумана. А я до полуночи сидела рядом с отцом, смотрела на воду и пыталась представить, кто живёт на высоком островке, едва заметно проступающем из дымки у самого горизонта.

Вообще-то раньше папа никогда не брал меня с собой на рыбалку. Он ездил один, а мы с мамой отдыхали на даче. Но этим летом всё было по-новому. Потому что первый раз в жизни мы остались одни.

Нет, ничего плохого не случилось. Просто маму, врача-кардиолога, пригласили пройти полугодовую стажировку в одной московской клинике. Она боялась бросать нас с папой, но мы её уговорили. Мы — люди вполне самостоятельные. В этом мама имела возможность убедиться, когда возвращалась из коротких командировок. У нас и ужин был приготовлен, и продукты куплены,

и квартира убрана. В общем, мы её уговорили, и в конце июня мама улетела.

В первые дни без мамы мне было очень грустно. Иногда, закрываясь в ванной, я даже плакала. Но потом... Не скажу, что привыкла жить без неё. По-моему, привыкнуть к такому невозможно. Но я научилась справляться и ждать. Конечно, мы каждый день разговаривали в Сети, но всё-таки это было совсем не то. Или не совсем то, чего мне хотелось больше всего на свете.

Особенно сегодня — в день моего рождения.

* * *

В магазине, отстояв приличную очередь, я выбрала два буше и две корзиночки с заварным кремом. Надо же нам с Настей отметить, что мне исполнилось двенадцать лет! Папа вернётся с работы поздно. Да и сладкое он не любит. Так что к его приходу я сделаю салат с кальмарами и пожарю курицу. А с Настей мы будем пить чай, слушать музыку и болтать о пустяках.

В небе снова появились лохматые тёмные тучи, и растущий месяц исчез. По дороге от магазина я замёрзла так, что заболели пальцы на ногах, и припустила вприпрыжку.

Когда я повернула к нашему подъезду, то увидела, что дверь открыта. Наверное,

кто-то только что вошёл. Я подумала, что всё равно опоздаю, и полезла в карман за ключом от домофона. Ключа не было!

Дверь закрывалась. Я метнулась к ней и еле успела ухватить круглую металлическую ручку. Но оказалось, что этого мало. Надо было вцепиться в ручку изо всех сил и повиснуть, чтобы дверь не захлопнулась, прокатив меня по утоптанному снегу. Прокатиться-то я, может быть, и не отказалась. Но в другой раз. Сейчас мне было нужно одно — попасть в подъезд.

Очутившись внутри, я снова попыталась нащупать ключ от домофона. Даже карман вывернула наизнанку. Без толку! Пропал ключик. Прямо из куртки. С утра лежал на месте — я проверяла. А вот потом... Во-первых, весь день куртка провисела в школьной раздевалке. Там, конечно, дежурит нянечка-гардеробщица, но у нас же не как в театре или в поликлинике — номерки не выдают. Каждый подходит к вешалке своего класса и устраивает на крючке верхнюю одежду и мешок со сменной обувью. И забирает после уроков сам. Так что в принципе залезть в чужой карман может любой желающий. Во-вторых, был шанс выронить ключ, когда доставала перчатки на улице. А в-третьих, пока я выбирала в булочной пирожные, мог в мой карман и какой-нибудь воришка руку сунуть. Ниче-

го ценного там не было, вот он и вытащил единственную находку. Просто так, от досады.

Хорошо, что ключи от квартиры я ношу отдельно. А то бы пришлось куковать под дверью, пока Настя не явится. И потом ещё рассказывать ей, что произошло. А уж этого мне не хотелось совершенно. Настя — девчонка хорошая, настоящая подруга, но язык у неё — ой! И ведь сама от этого мучается и каждый раз, проболтавшись о чём-нибудь важном кому не надо, кается и искренне не понимает, как так вышло. Но толку-то? Всё равно то, что знает Настя, через день становится известно и родителям, и соседям. Да ладно бы только им — но ведь и весь класс будет в курсе. Очень приятно! Только одну мою тайну Настя не выдала никому, но это отдельная история.

Я скинула капюшон и осмотрелась. На площадке первого этажа лампочка ещё не горела, но из лифта падала бледная полоса света. Я ринулась к лифту.

— Погодите, пожалуйста!

Честно говоря, я боялась ездить одна. Потому что в прошлом году, Восьмого марта, застряла и топталась в кабине полтора часа, пока не появились два весёлых дядьки-монтёра и не выпустили меня на волю, наказав впредь в праздничные дни лифтом не пользоваться. Прямо скажем,

это были не лучшие полтора часа в моей жизни.

Правда, ездить с незнакомыми я боялась ещё больше. Кто их знает, что им может прийти в голову?

Я ни за что не стала бы просить подождать, если бы в желтоватом свете кабины не заметила пушистую спину лабрадора Эрика. Эрик жил с хозяевами на восьмом этаже, как раз над нашей квартирой.

— Спасибо! — заранее крикнула я и с разбега втиснулась в лифт.

Двери с противным скрежетом закрылись. Сидящий Эрик занимал как минимум две трети пространства.

Я прижалась к стене, чтобы собачья шерсть не прилипла к куртке, и слегка наклонила голову. Кабина была тесной, а я не люблю смотреть на людей в упор. Я даже и не разглядела — кто там, за Эриком.

— Не за что, — ответил хриловатый голос.

Я вздрогнула и подняла голову. У дальней стены лифта стоял светловолосый мальчишка лет тринадцати в куртке с меховым воротником.

— Ой, — не сдержалась я, — а где Антиповы?

— Кто?

Мальчишка иронично прищурился.

— Антиповы, — объяснила я, чувствуя себя полной идиоткой. — Хозяева Эрика.

— Эрика? — вскинул брови мальчишка. — Это собаки, что ли? А разве она не твоя?

Я помотала головой.

— Жесть! — резюмировал мальчишка. — Собака, которая гуляет сама по себе. И в лифте ездит. Может, она и намордник с поводком без посторонней помощи надевает? А?

Он слегка наклонился и посмотрел Эрику в морду. Эрик тряхнул головой, будто кивнул. А потом осторожно встал на четыре лапы и тряхнул не только головой, но и всем корпусом. Тысячи ледяных капель сорвались с собачьей шерсти, на миг превратив лифт в душевую кабину.

Я взвизгнула и прикрыла лицо ладонями. Мальчишка громко охнул, но через секунду расхохотался.

— Чего смешного? — обиделась я.

Мальчишка провёл рукой по лицу, будто смахивая улыбку, и серьёзно ответил:

— У тебя сейчас такие глаза!

— Какие? — заинтересовалась я.

— А ты сама посмотри, — предложил он.

Я осторожно протиснулась к зеркалу на стене кабины. Это зеркало с рекламой известного интернет-провайдера висело в лифте уже год. И вот что интересно — никто его не разбил и маркером не разрисовал. Может, смотреть на себя нравилось

всем? Даже хулиганам? А что такие поблизости водились, я знала точно. Кто же ещё мог залить краской табличку у подъезда с номерами квартир? Цвет, конечно, был весёлый — голубенький. И прекрасно сочетался с тёмно-синими дверями. Будто отделка. Но радости это жильцам никакой не принесло. Поговаривали, что придётся скидываться на новую табличку — и неизвестно ещё, по сколько. Может, по сто рублей, а может, и по тысяче.

В зеркале я увидела себя и чуть не взвыла. Новая тушь потекла, причём как-то странно — пятнами. Пятна чернели под глазами, на щеках и даже, кажется, на подбородке.

Я вытащила носовой платок и лихорадочно принялась оттирать лицо.

— Слушай, а тебе на какой этаж? — спросил мальчишка.

— На седьмой, — буркнула я не поворачиваясь.

— А собаке?

— На восьмой.

— Тогда доедем до седьмого, — предложил мальчишка, — а потом я хозяевам этого чуда в дверь позвоню. Они в какой квартире живут?

— Ой, — смутилась я, — а я номер не помню. Но дверь справа от лифта.

— Ладно. Понял.

Лифт загудел и пополз вверх.

ГЛАВА 2

ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

— Ты чайник ставила? — спросила Настя, поправляя чёлку.

Чёлка упрямо торчала во все стороны и норовила прилипнуть к расчёске.

— Как только, так сразу, — кивнула я. — Он уже вскипел, наверное.

Настя убрала расчёску и прижала волосы ко лбу руками.

— А он у тебя сам выключается?

— Конечно, сам.

Настя сморщила нос.

— Ты бы проверила. А то горелым пахнет.

Я вскочила с дивана и помчалась на кухню. Чайник, ясное дело, был выключен. Но откуда-то тянуло противным сладковатым дымом.

На всякий случай я обнюхала подставку чайника. Пахло нагретой пластмассой и только. Я огляделась, но ничего подозрительного в кухне не обнаружила. Тогда я подошла к входной двери и прижалась кончиком носа к замочной скважине. Гарью несло с лестничной площадки.

— Лен, — позвала из комнаты Настя, — ты куда пропала?

— Сейчас! — крикнула я, осторожно отперла замок и приоткрыла дверь. На

площадке не просто пахло. Густой серый дым поднимался с нижних этажей, на глазах затягивая лестницу удушливой пеленой. Я почувствовала, что ладоням стало холодно, а сердце на мгновение замерло и застучало громко-громко.

— Там пожар, да? — тоненьким дрожащим голосом спросила выскочившая в прихожую Настя.

— Похоже, — ответила я почти басом.

У меня от испуга голос сел.

— Мамочки! — пискнула Настя. — Боюсь! Надо на улицу!

— Ты что? — возмутилась я. — Вся лестница в дыму!

А потом оттолкнула Настю подальше в прихожую и захлопнула дверь.

— Пожарным нужно звонить.

Я схватила трубку с базы, нажала кнопку и застонала.

— Вот как назло! Разрядилась!

— А по мобильнику? — робко предложила Настя.

Я кивнула и вытащила мобильник. Набрала с детства знакомые «01», но телефон вместо гудков хрюкнул и выдал надпись: «Неправильный формат номера».

— Это что такое? — пробормотала я, сунув аппарат Насте.

— Ой, — быстро закивала она, — я слышала, что на мобильниках надо какой-то другой номер набирать.

